

«Твоего героя зовут Деку, верно? Что вдохновило вас на это название?»

Изуку тепло улыбнулся в камеру. «Это прозвище, когда я учился в средней школе. Это придумал один из моих лучших друзей».

Репортер задумчиво кивнул. «Звучит как «ты можешь это сделать», сокращенное, чтобы скатиться с языка».

Изуку пожал плечами и пошел с ним. «Я всегда хотел быть героем с самого детства. All Might был моим любимым, но я фанат и всех остальных».

«Каким героем ты хочешь быть?»

«Такой, который показывает миру, что каждый может быть героем».

«Нелегко быть героем», — предупредил репортер, в основном на благо аудитории. «Это опасно, между злодеями и стихийными бедствиями, и это большая ответственность».

Изуку кивнул. «Очень верно, но это не то, что нельзя преодолеть, достаточно усердно работая».

«Наличие хорошей причуды для работы также помогает. Кстати, в чем именно заключается ваша причуда? Насколько нам известно, вы не показали этого в предварительных раундах. Вы оставляете его тузом в лунке для финала по круговой системе?»

— Моя причуда? — невинно спросил Изуку. Он обсудил, как именно он хотел ответить на это с Агоямато. Его деловой партнер выступал за то, чтобы быть честным с

этим, чтобы максимально использовать его инвалидность. Изуку, однако, видел, что поступает иначе.

Изуку вывернул ногу из костюма, что было немалым подвигом, так как вся его нога была обернута металлическим каркасом. Как только он снял ботинок, он снял носок и извивался пальцами ног в прямом эфире. «У меня есть дополнительный сустав в мизинце», — сказал он.

Репортер моргнул, затем понимание ударило его, как молоток. «Ты без причуд?» — выпалил он.

«Мне поставили диагноз, когда мне было пять лет». Технически это не ложь, что заставило Изуку почувствовать себя лучше, обманув всю нацию. С сухой усмешкой Изуку сказал: «Когда это произошло, я думал, что никогда не стану героем, но, ну, вот я здесь».

К чести репортера, он быстро оправился от шока. «Итак, когда вы говорите, что любой может это сделать...»

«Я имею в виду кого угодно. Это не причуда или костюм, который делает героя. Это человек внизу».

Репортер пролистал свои записи. «Мы провели небольшое исследование, и ходят слухи, что художник, известный как Деку, также является учеником-героем. Есть много предположений, что это ты».

— Это правда.

Репортер выглядел так, как будто хотел спросить больше, но обратный отсчет таймера остановил его. «Боюсь, что это все время, которое у нас есть на данный момент, но кто знает? Может быть, у нас будет еще одно интервью после окончания фестиваля».

Изуку пожал руку репортеру и ушел. По дороге на фестиваль он проехал мимо Тодороки. Он остановился в стороне, явно приглашая Изуку остановиться рядом с ним.

«Я не собираюсь относиться к тебе легкомысленно в следующем раунде».

«Если ты действительно это имеешь в виду, — возразил Изуку, — ты должен использовать свой огонь».

Тодороки выглядел так, как будто ему дали пощечину. Изуку почувствовал приступ вины, но, как и в любой другой раз, он заставил его опуститься и напомнил себе,

что все это необходимо.

Деку, представленный в прямом эфире, привлек внимание многих на фестивальной площадке. Студенты, герои и зрители останавливались, чтобы посмотреть первое интервью. Тошинори почувствовал, как рука Инко напряглась в его руке, и только тогда его осенило, что они держались за руки всю дорогу вниз по лифту.

— Все в порядке? — спросил Тошинори.

Инко вздрогнула и посмотрела на него. Ее глаза метнулись к их рукам, и Тошинори чуть было не отпустила, но держалась только крепче. «Я - я в порядке. Наверное,

я просто немного нервничаю». Нервно усмехнувшись, она добавила: «Не каждый день у вашего сына интервью в прямом эфире».

Какое-то время интервью проходило без происшествий, и люди возвращались к празднествам, прислушиваясь к ближайшему оратору и все время поглядывая на

экраны. Однако, когда Деку спросили о его причуде, все снова остановилось. Толпа ждала, заатаив дыхание и в немалом замешательстве, когда Деку выскочил из металлической ножки своего костюма.

Когда он рассказал репортеру о своем лишнем суставе пальца ноги, толпа отреагировала озадаченным шепотом. Когда репортер сказал вслух, что Деку был Причудливым, шепот становился все громче, пока весь фестиваль не взбудоражил перекрывающиеся разговоры. Общая атмосфера варьировалась от взволнованной

до сбитой с толку, в толпу посыпалось достаточно возмущенных комментариев, чтобы заставить Тошинори стиснуть зубы. Поскольку он сам был Причудливым,

слышать, как с другими людьми с его состоянием плохо обращаются, всегда было его большим местом.

Тошинори оглянулся на Инко и увидел, что она отпрянула от толпы. Он слегка сжал ее руку, заставив ее оглянуться на него, и спросил: «Нужно пойти куда-нибудь

еще?»

«Нет, нет, я в порядке, мы уже на полпути».

Их входной билет покрывал стоимость такойки, что было удачно, так как кошелек Тошинори также исчез. Сиденья были тесными, но их такаяки были пронзены

зубочистками, поэтому они могли ходить и есть одновременно. Через несколько часов Тошинори пришлось бы чертовски расплачиваться за свою жирную

снисходительность, учитывая его неспособность переваривать все, что не прошло сначала через центрифугу, но он считал, что острый, ароматный взрыв на его

языке с каждым глотком того стоит.

Инко проложил путь через фестиваль, чтобы проверить карнавальные игры и призы, в то время как Тошинори молча следовал за ним. «Я не могу вспомнить, когда в последний раз ходила на один из них», — сказала она.

Тошинори чуть не пропустила свой комментарий по поводу суматохи фестиваля. «Я не думаю, что когда-либо был в одном из них».

— Нет? Как же так?

— Не знаю. Наверное, я был... слишком занят».

— Ой. Инко закрутила прядь волос вокруг пальца. Тошинори почувствовал, что ухмыляется, как сумасшедший, и мысленно отругал себя за то, что он подонок.

«Ну, почему бы нам не сыграть несколько игр? Я имею в виду, что у нас есть много времени, прежде чем фестиваль снова начнется, и если бы мы просто вернулись на свои места, нам нечего было бы делать в течение целого часа, и это, вероятно, было бы немного неловко». Она начала и лихорадочно добавила: «Не то, чтобы это

была твоя вина или что-то в этом роде, я просто говорю, что было бы неплохо иметь что-то, чем можно заняться в это время. У-если ты не хочешь, меня устраивает

сидеть и ждать.

«Как мы играем?»

— Н-как? На лице Инко было смущенное выражение, пока на ее чертах не промелькнул шок. «О, верно, ты никогда раньше не играл. Я, э-э, я могу вам показать. Справедливый... Выберите один и давайте попробуем».

Тошинори подошел к ближайшему пустому ларьку. Его дрянная конструкция проявлялась в погнутых гвоздях, потрескавшихся досках и небрежной покраске, но слова

«Ring Toss» выделялись ярко-красными буквами. За прилавком, за которым сидел скучающий на вид подросток, стоял стол, уставленный бутылками, разных форм и

размеров.

«Каждый человек получает шесть колец», — сказал подросток. «Какой-то парень с двенадцатью детьми вычистил меня, так что ты ничего не получишь, если

выиграешь».

Тошинори принял горсть колец. По настоянию Инко он лобзал одну, как фрисби, в коллекцию бутылок. Кольцо с грохотом отскочило от стеклянных столешниц и

упало на стол. Остальные пять подпрыгивали между бутылками, не найдя своей цели.

— В следующий раз повезет, — протянул подросток. — А как насчет тебя, мама?

Инко поправила рубашку и сказала: «Д-да, я тоже попробую».

Ее первые пять попыток также прошли широко, и одна из них полностью пропустила бутылки. Перед шестой попыткой Инко спросила: «Ты не возражаешь, если я попробую использовать свою причуду?»

Подросток приподнял бровь. «Вы не должны, но призов не осталось, так что кого это волнует».

Подросток внимательно наклонился вперед, пока Инко готовила свой последний бросок. Тошинори также чувствовала, что с нетерпением ждет возможности

использовать ее Причуду.

Ее бросок поднялся высоко и далеко, паря над столом. Тошинори думал, что он вот-вот врежется в дальнюю стену, пока, казалось, лениво не отклонился назад. Когда он летел, кольцо наклонялось, чтобы зацепиться за стеклянный ободок. Он несколько раз качнулся вокруг горлышка бутылки и внезапно остановился.

«Причуда телекинеза какая-то?» — спросил подросток.

«Я могу притягивать предметы к себе», — объяснил Инко. «Раньше у меня лучше получался этот трюк».

«Ты намеренно промахнулся над бутылками, чтобы исправить их ход с помощью своей причуды, верно?» — спросил Тошинори.

Инко улыбнулся. «Это работает лучше всего, когда я могу начать тянуть его прямо сейчас. В детстве я получал много призов таким образом». Ее улыбка

соскользнула. «Я не использовал свою причуду целую вечность».

— Это из-за твоего сына? Слова выскользнули из него, прежде чем он смог остановиться.

— Наверное, так оно и было. Ее голос стал слабым и приобрел меланхоличный тон. «Мне казалось неправильным, когда я использовал свою причуду перед ним. Первые несколько раз это доводило его до слез, но впоследствии, даже когда я оступалась, он никак не реагировал. Через некоторое время я привык им не пользоваться. Было слишком больно. Каждый раз это напоминало мне о том, чего ему будет не хватать всю жизнь, и как сильно это его раздавило».

Его рука нашла ее руку сама по себе. «Когда-нибудь он станет героем. Даже без Причуды он сделал все возможное».

Его слова вызвали слезы на глазах. Тошинори почувствовал, как его сердце упало сквозь тротуар под ботинками. «Он должен был сделать все это без моей помощи. Я никогда не верил, что это возможно. Я боялся, что он попытается, и когда я услышал, что он подал заявление в

УА, я молился, чтобы его просто поместили на курс

общих исследований. Когда я услышал, что он вошел, и с лучшим баллом по обоим тестам, я не мог в это поверить. Я подумал, что это ошибка. Однако теперь, видя,

на что он способен, что ему удалось сделать без моей помощи, я задаюсь вопросом, насколько далеко он мог бы зайти, если бы я верил в него все эти годы».

Он нежно обхватил ее обеими руками. Инко сначала вздрогнула, но не отстранилась. — Ты старался изо всех сил, — прошептал Тошинори. — И вы воспитали

прекрасного молодого человека. Может быть, ты не был идеальным, но никто не идеален».

Инко икнул и принялся. Мягко улыбнувшись, она спросила: «Даже не Всемогущий?»

Тошинори почувствовал, как его сердце остановилось. Судя по беспокойному выражению лица, она должна была заметить, как он напрягся.

— Нет, — сказал он глухим голосом, — даже Всемогущий.

Ёцубаси отдыхал в конференц-зале, переоборудованном для встречи MLA. На одном экране студенты из США давали интервью в прямом эфире, перемежаясь рекламными паузами. С другой стороны, новостная станция обсуждала все, что они знали о Деку без причуд, а в твиттере Деку просматривался длинный список

комментариев о его обновленном статусе героя без причуд на тренировке.

«Мы должны были сделать это раньше», — сказал один из лейтенантов Ёцубаси. «Если позволить этим причудливым паразитам зайти так далеко, это будет

способствовать ужесточению правил в отношении причуд. Я уже слышу содержательные речи о том, что причуды не нужны, чтобы изменить мир к лучшему».

Ёцубаси крутился вокруг стакана саке. «Терпение. Чем выше он поднимется, тем сильнее упадет. Кроме того, единственный способ гарантировать смерть Мидории -

это единоборство.

Мужчина скрестил руки на груди. «Я все еще думаю, что это было слишком рискованно».

«Ну, они оба сделали это, — сказала женщина напротив него, — так зачем жаловаться на это? Кроме того, это не похоже на то, что парень выиграл, верно? Не с

сыном Индегора в миксе. Меня не волнует, насколько хороша эта экипировка, ничто не может противостоять такой идеальной причуде».

Ёцубаси решил не указывать на то, что идеальная причуда Тодороки, согласно школьным записям, использовалась только наполовину. Даже половина причуды не превзошла ни одного. Это была простая математика.

— Они уже опубликовали расписание турниров? — спросил Ёцубаси.

— Нет, сэр. Похоже, они ждут, чтобы рандомизировать его, как только интервью закончатся».

«Жаль. Господин Фукусабе, не могли бы вы провести окончательную диагностику того инжектора, который мы добавили? Ты не можешь быть слишком осторожен с Незу, обнюхивающим нашу контрактную работу.

Вышеупомянутый инженер запустил программу на своем телефоне. «Удаленный приемник все еще отвечает. Как я уже говорил ранее, им пришлось бы полностью

разобрать перчатки, чтобы найти инжектор, и если бы они это сделали, они взорвали бы нитроглицериновый карман, хранящийся вместе с инжектором. Невозможно

деактивировать устройство, не приведя в действие взрывчатку».

— И убрать все следы нашего вмешательства, никто не мудрее, — закончил другой лейтенант. — Ваше величие не перестает меня удивлять, Рикия-сан.

Ёцубаси улыбнулся и спрятал горькую гримасу за очередным глотком саке. Этот человек стал слишком угодливым на его вкус, возможно, несчастный случай был в порядке вещей или какой-то скандал.

— Мы еще что-нибудь на них накопили? — спросил Ёцубаси.

«В основном это косвенные доказательства, которые мы находим, но был файл, написанный учителем, который был удален вскоре после того, как они никогда полностью не удаляли». Технический эксперт ухмыльнулся. «Пикантные вещи, подробности о следах ожогов и все такое. Мне также удалось собрать воедино некоторые кадры с дорожных камер, немного размытые, но достаточно презентабельные».

«Отлично. Подготовьте это, чтобы бросить. Мы рассчитаем это примерно через час после того, как будет официально объявлено о его смерти». Наливая себе еще

один бокал, Ёцубаси размышлял: «Это будет идеальная история, трагическая история о студенте без причуд, который столкнулся с жаждущим власти, жестоким

молодым героем, готовым сделать все возможное, чтобы хорошо выглядеть на телевидении. Репутация США будет разрушена, герои будут ограничены, и в грядущем

хаосе мы сможем активно лоббировать людей, чтобы они воспользовались правом на самозащиту». Он поднял наполненный бокал и воскликнул: «К нашему

освобождению! Впереди еще много работы, но сегодняшний день станет решающим ударом для MLA».

Возможно, это был преждевременный тост, но его лейтенанты, охваченные его внезапной речью, приветствовали его: «За наше освобождение!»

Когда объявление показало, что судьбоносный матч станет самым последним на фестивале, Ёцубаси понял, что это должно быть предзнаменованием удачи для них.

Чисаки Кай содержал безупречную лабораторию. Шприцы, скальпели, холодильники, центрифуги, хроматограф ВЭЖХ и многое другое тщательно расставлены и

продезинфицированы три раза до и после каждого использования. На бетонном полу и мягком кресле были слабые выступы, почти невидимые признаки поспешной

сборки после разрушения их пропитанных кровью поверхностей до молекулярного уровня.

Раздался резкий стук в дверь, и она распахнулась. Одетый в черное мужчина в маске птицы Шиэ Хассайкай ворвался в комнату, размахивая мобильным телефоном. «Эй, босс, ты должен это увидеть!»

Капитальный ремонт воткнул шприц в руку Эри. Она вздрогнула, но не издала ни звука, когда он вытащил еще один пузырек с кровью. Поместив образец в

холодильник, он трижды вымыл руки, прежде чем повернуться, чтобы обратиться к своему подчиненному.

— Я занят, — огрызнулся Капитальный ремонт. «Это должно быть важно».

Ухмылка мужчины дрогнула, но он поднял трубку. На нем зеленоволосый парень объявил публике, что у него нет причуды.

«Какой-то студент из США, соревнующийся в этом году, — это Quirkless. Я думал, что вы оцените это, поскольку, знаете ли...»

Оверхол забрал у него телефон и прослушал его речь. После того, как он был закончен, Overhaul превратил телефон в случайные струйки газообразного пластика и металла. Подчиненный сглотнул и с тревогой наблюдал, как Капитальный ремонт сгибает руки.

— Болеют даже здоровые, — усмехнулся Капитальный ремонт. «Тем больше причин навсегда избавиться от Причуд и героев».

Когда он вернулся в комнату, Эри упал со стула. Ее кожа становилась серой, а тело холодным. От легкого прикосновения его руки ее тело разорвалось на части в ливне крови и снова сшилось в живого ребенка. Эри вздрогнул, когда снова вымыл руки.

«На сегодня хватит. Ты была хорошей девочкой, так что сегодня ты можешь немного поесть.

Эри молча кивнула и выбежала из комнаты. Как только она ушла, Капитальный ремонт вытащил из инкубатора последние плоды своих усилий. Прозрачная, вязкая жидкость с сущностью Причуды Эри, тщательно отмеренной и обработанной его Причудой, была первым шагом в избавлении мира от героев.

Он трижды вымыл руки, гримасничая от отвращения к грязно-серому порошку, покрывающему его руки, и трижды протер руки дезинфицирующим средством. Все

втроем, хороший, чистый номер. Уравновешенный. Чистый. Точно так же, как он создал бы мир.

Выйдя через заднюю дверь своей лаборатории, он спустился в больничную палату босса. Потребовалось много угроз и одолжений, чтобы убедить других членов не

помещать его в больницу. Они могут что-то испортить. Только он мог собрать его обратно именно так, как он должен быть. Одна рука скользнула к запястью

потерявшего сознание мужчины, и Чисаки остановился. Не сейчас, до тех пор, пока мир снова не станет чистым, и Шиэ Хассайкай вернутся на свое законное место. Только после того, как он стал последним больным человеком на земле, со своим лекарством в руках. Он использовал

его, чтобы исправить последнюю ошибку в мире и избавиться от нее навсегда.

— Он почти готов, — взволнованно прошептал он. «Эффект сейчас временный, но он востребован на рынке. Шиэ Хассайкай будет богаче, чем когда-либо. Тогда я

смогу закончить последнее противоядие». Он положил обе руки на кровать и встал на колени рядом со своим наставником. «Мы так близки к идеальному миру. Еще немного времени, и вы сможете это увидеть».

Коматозный мужчина на больничной койке ничего не ответил. Его жизненно важные органы издавали медленный, ровный ритм, и каждый вдох заставлял простыни

подниматься и опускаться. Три связи в его мозгу были разорваны с такой точностью, что заставило бы нейрохирургов позавидовать, не давая ему проснуться. Самая легкая кисть его пальцев могла бы исправить его, но Чисаки оставил руки там, где они были.

Как только он вернулся в свою лабораторию, на прилавке его ждали тридцать литров плазмы, разделенной между тремя изолированными ящиками. Трое головорезов,

которые привели их, нетерпеливо наблюдали за ним, когда он подошел к ним с флаконом, который был продуктом месяцев кропотливых исследований и испытаний.

Чисаки разбил стеклянный флакон и впустил жидкость в свою ладонь. Другой рукой он потянулся к ящику. Пластик деформировался, и плазма брызнула вокруг его руки. Едкий запах наполнил воздух, когда плазма приобрела более застывшую текстуру, соответствующую содержанию его ладони, затем жидкость сдвинулась,

когда вокруг них образовались пластиковые мембраны. После того, как Чисаки закончил, во всех трех ящиках было по тридцать мешков модифицированной плазмы.

«Заведи их в дартс и начни продавать», — сказал Чисаки, трижды вымыв руки. «Сегодняшний день знаменует собой первый шаг к избавлению мира от героев».

Как бы «Все за одного» ни ненавидели общение со своим протеже, прошло слишком много времени с момента его последнего личного визита, и психически

извращенный подросток становился угрюмым. Сигараки временами слишком напоминал ему его младшего брата, задумчивого и такого злобного.

Сознательно он получал огромное удовольствие от того, что обращал наследие «Один за всех» против самого себя, но в моменты, когда Шигараки ускользал после

того, как просто пропустил высокий балл или неловко избегал своих собственных миньонов, «Все за одного» мог представить себе своего собственного брата на его

стороне, помогающего ему, как он и должен был. Эта мысль была болью иного рода, чем та, которая опустошала его сломанное тело.

В задней части лаборатории личный врач «Все за одного» выделил несколько стульев и телевизор. Сам доктор Гараки время от времени выглядывал из-за своего последнего Ному, мельком глядя на учеников-героев, когда он регулировал прием Причуды своего последнего испытуемого. Когда «Все за одного» бросил взгляд на Ному, он молча одобрил костлявые, похожие на крылья летучей мыши, растущие из его спины. Полет всегда был полезной

способностью в арсенале.

«Все за одного» начал жалеть о своем решении оставить спортивный праздник в покое. До сих пор это было ужасно скучное дело, несколько дразнящих причуд,

конечно, но все они были так грубо неправильно обработаны. Возможно, у него было несколько столетий на них всех, но это не было оправданием для такой

небрежности. Его немало иронично забавляло то, что ребенок без причуд показал, насколько жалкой будет эта будущая партия героев.

— Я хочу этот, — сказал Шигараки, указывая на экран.

«Все за одного» притворилось заинтересованным ворчанием. — Какой?

«Теневой. Это похоже на то, как если бы у вас был дополнительный член партии».

— Слишком сложно контролировать, — пробормотал «Все за одного». «И я не думаю, что слияние его с другой причудой поможет. Его полезность связана с его разумом, удаление которого оставило бы его не лучше, чем любая другая причуда излучателя».

Шигараки хмыкнул и вернул свое внимание к экрану. Финальный предварительный раунд только что закончился, и диктор пообещал интервью в прямом эфире после рекламной паузы. «Когда мы увидим преемника Всемогущего?»

Вопрос оставил «Всех за одного» смутно непрым. До сих пор он не уловил проблеска своего извечного заклятого врага, Причуды, которую он так глупо завещал

своему мятежному младшему брату. Завтра все еще будут соревноваться представители высшего класса, но, по логике вещей, имело смысл передать причуду комуто помоложе и дать им время акклиматизироваться к ее силе. Возможно, Яги не стал бы вести себя логично, но Незу почти наверняка повел бы себя. Неужели Яги цеплялся за свою Причуду, возможно, обманывая себя, что он может продолжать свою шараду еще какое-то время? Или Незу принял меры предосторожности, чтобы

вообще не допустить «Одного за всех» к турниру?

«Я не верю, что мы увидим это сегодня», — сказал All for One. «Я думаю, они поняли, что недружелюбные глаза будут смотреть».

Шигараки нахмурился, и на мгновение «Все за одного» мельком увидели седые волосы. «Мы должны были напасть на него».

— Терпение, Сигараки. Это отличная возможность собрать информацию, и если оставить ее в покое, это побудит их ослабить бдительность в отношении будущих

событий. Возможно, в следующем году».

Все за одного почувствовали дрожь приближающихся шагов, четвертый в комнате. Он позволил ощущению захлестнуть его, продукт нескольких причуд, которые он

украл и слил вместе, чтобы дать себе тактильное чувство, которое мало кто из причуд мог обмануть. К тому времени, когда он добрался до него, он почувствовал Ному вплоть до дополнительных рук, растущих по бокам. В массивных руках зверя оказалось ведро попкорна и

две газировки.

«Думал, что проверю последний образец», — сказал Гараки. «Он лопнул попкорн, как я просил?»

Сигараки запихнул ему в рот горсть. — Слишком много соли, — прорычал он, запивая ее содовой.

— Отметили, — сказал доктор. «Он хотя бы намазал попкорн маслом?»

Шигараки кивнул и пошел за второй горстью.

«Впечатляющая работа, как никогда, доктор. Я рад видеть, что у этого эксперимента больше способностей, чем у первого эксперимента».

«Слияние Причуды, повышающей интеллект, принесло больше вреда, чем пользы. Хитрость заключается в том, чтобы использовать только причуды, достаточно похожие по функциям, чтобы не перегружать мозг. Конечно, с небольшим количеством All for One я мог бы полностью обойти эту проблему».

«Все за одного» не удостоили это предложение ответом. Вместо этого он снова обратил свое внимание на интервью и зеленоволосого парня, который сказал миру,

что он Причудливый. Ребенок уже попал в поле его зрения, и что-то в формулировке привлекло его интерес, обратив внимание на лишний палец на ноге и диагноз. За

эти годы он украл достаточно причуд, чтобы знать, что ген причуды проявляется независимо от количества суставов пальцев ног, а слова ребенка звучат полуправдой и скрытыми секретами.

Неужели Яги все-таки нашел своего преемника?

<http://tl.rulate.ru/book/53509/3243195>